И.Буздалов*

Современный опыт и результаты аграрных преобразований в Китае и России

В статье представлен сравнительный макроэкономический анализ характера и последствий аграрных преобразований в Китае и России за последние десятилетия, подкрепленный конкретными материалами исследования процесса этих преобразований. Показано, что сельское хозяйство России продолжает оставаться в состоянии глубокого системного кризиса, создающего серьезную угрозу продовольственной и общей национальной безопасности государства. Обосновываются пути выхода из этого кризиса. Особое внимание уделяется использованию зарубежного опыта по обеспечению приоритета сельского развития, необходимым для этого изменениям в аграрной политике, системе государственного регулирования и управления сельскохозяйственным производством.

Ключевые слова. Аграрная политика, аграрная реформа, аграрный протекционизм, продовольственная безопасность, государственная поддержка, социальная структура, земельные отношения, китайское чудо, особый российский путь, аграрное законодательство.

JEL: Q18, Q14, Q11

Сельское хозяйство – первичная базовая отрасль экономики и в этой своей функции – корневая система, первооснова самого существования государства и всего общества. Здесь производится не только «самое первое» условие существования человека – главной производительной силы создания материальных благ. Село и сельская местность – обладатель мощного природного и историко-культурного потенциала, хранитель духовных и морально-нравственных человеческих ценностей. Традиционная жизнедеятельность в деревне, если она не подвержена деградации нравами и пороками «цивилизации» задыхающихся в камне, бетоне, асфальте, газовых выбросах городских поселений, с претензиями ее обитателей на мнимое превосходство, намного искренне и человечнее, чем в урбанизированных скоплениях людей и материальных ресурсов. Отсюда обеспечение необходимых условий этой жизнедеятельности, или по словам Ф.М.Достоевского, «утверждение в стране прочного земледелия, определяет правильное функционирование всего национального организма государства, нравственность, характер и даже ум нации» (можно добавить: прежде всего ум, государственную мудрость ее первых лиц, высших ответственных руководителей).

Развитые страны современного мира потому и стали развитыми, что в своей аграрной и общей экономической политике эти политические лидеры исходят из понимания особой жизненной важности, базового значения сельского хозяйства в

* Буздалов Иван Николаевич (tamara buzdalova@yandex.ru), академик РАН, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А.А.Никонова

экономике, ее «локомотива», создавая все необходимые условия для устойчивого функционирования отрасли, социального благополучия трудолюбивого крестьянского сословия. Диаметрально противоположное положение в деревне и, вследствие этого, в общем социально-экономическом развитии государства оказывается в странах, где приоритет сельского хозяйства остается в забвении или общих декларациях, что в значительной мере характерно для проводимой с начала 90-х годов XX в. реформы в России. Иные, основанные на включении в процесс этого развития социально ориентированной аграрной политики результаты демонстрирует за последние десятилетия рыночных руководство КНР.

Аграрная реформа как исходное начало китайского «экономического чуда»

В рамках общей концепции и стратегического курса преобразований, исходя из особой жизненной важности сельского хозяйства, ее роли как «основы экономики» (Дэн Сяопин, 1997) власти Китая в 1978 г. начали рыночные реформы в стране вопреки рекомендациям Запада с аграрного сектора и лишь спустя пять лет распространили их на другие отрасли и сферы экономики. Этому предшествовала экспериментальная проверка основных положений и принципов реформы на провинциальном и районном уровнях, начиная с отдельного крестьянского двора, отдельного предприятия с последующим более широким поэтапным распространением положительного опыта, исключавшего шоковые меры, большие, даже малые «скачки». На первом этапе реформы в рамках предложенной ее идеологом Дэн Сяопином общей концепции эволюционного и системного ее осуществления ставилась задача к концу 80-х годов в 2 раза повысить уровень обеспечения населения продовольствием, одеждой, другими потребительскими товарами отечественного производства и в связи с этим активизировать общий экономический рост. С этой задачей Китай успешно справился. Задача второго этапа – увеличить к концу XX века валовой внутренний продукт в 4 раза выполнена в 1995 г. На следующем этапе, согласно плану социально-экономического развития страны на 1995-2000 гг. предусматривалось увеличение в сравнении с 1980 г. ВВП на душу населения в 4 раза, ликвидация сельской бедности, сокращение безработицы и завершение начальной стадии становления развитой системы рыночных отношений. Эта задача также была успешно выполнена.

Если до начала реформы, когда по объему ВВП в расчете на душу населения страна занимала 125-130 место в мире, подавляющая часть населения голодала, а состояние продовольственной и общей национальной безопасности государства

оставалась угрожающей реальностью, когда село не получило необходимой поддержки при общих скудных инвестициях в экономику. В результате намеченных и осуществленных преобразований общий социально-экономический пейзаж, начиная с села, кардинально преобразился. За годы реформ государственные средства на сельское развитие увеличились в 30 раз. В целом Китай вкладывает в экономику капитала больше, чем США и Россия вместе взятые, а по расчетам к 2016 году этот показатель в 4 раза превысит соответствующие вложения США в 4 раза. Перемены настолько масштабны, что они с полным основанием оцениваются в мире как настоящее экономическое чудо (Самедзаде, 2010).

Взвешенная, дальновидная политика социально-экономических преобразований вну3три страны дополняется аналогичными подходами, направленными на накопление национального экономического потенциала и его рациональное использование во внешней политике. Китайское руководство могло бы, например, уже давно направить этот потенциал на присоединение Тайваня, нажив для государства излишнюю головную боль, обременительные дополнительные расходы и подвергнуться изоляции и санкциям на мировой арене и т.д. Однако исходя из концепции Дэн Сяопина: «одно государство – два строя» оно не стало на такой путь, а в рамках указанной концепции осуществляет последовательные меры по сближению и сотрудничеству двух стран с перспективой их объединения в той или иной форме (в частности, предоставления Тайваню широкой автономии в рамках компромиссного варианта 1992 г. «единый» Китай ???? и создания единого экономического пространства, охватывающего КНР, Сянчан, А???? и Тайвань с унифицированными рыночными (т.е. капиталистическими) принципами отношений (хотя официально по традиции считается, что в КНР строится социализм). Именно эти принципы и были положены в основу экономического механизма и всей совокупности мер осуществляемых с 1978 г. в сельском хозяйстве, а затем в целом по стране системных рыночных преобразований.

Начало демонтажу административно-командной экономической системы в стране положила ликвидация «народных коммун» в деревне с их казарменными условиями жизнедеятельности. Последовательно осуществлен переход к системе «семейного подряда и производственной ответственности» с распространением этой ответственности на другие хозяйственный звенья и структуры экономики. В самой деревне в первую очередь решался главный вопрос аграрной реформы – земельный. Совместно-ничейная земля коммун на правах аренды передавалась крестьянским домохозяйствам, которые получив самостоятельность могли сами арендовать земельные участки у соседей, нанимать работников, создавать подсобные производства,

осуществлять грузовые перевозки и т.д., т.е. переходить к рыночным методам хозяйствования и взаимосвязей.

В целом осуществленная система социально-экономических, эволюционных по своему характеру преобразований в деревне, а затем в народном хозяйстве предусматривала:

- переход к полной хозяйственной самостоятельности сельских домохозяйств и других первичных производственных звеньев экономики;

- замену директивного планирования на «целенаправленное» индекативное с использованием договорных отношений и переходом к свободной купле-продаже на рынке как потребительских товаров, так и средств производства;

- определение цен на основе спроса и предложения с использованием дополнительных мер ценовой и иных форм бюджетной поддержки сельского хозяйства на основе активной протекционистской направленности аграрной политики;

- поощрение конкуренции на внутреннем и внешнем рынке при последовательном использовании эффективных мер антимонопольных ограничений;

- формирование фондового, информационного, научно-технического рынков, а также рынка рабочей силы;

- государственное регулирование процесса приватизации с умеренным сокращением доли общественной (государственной) собственности;

- приоритет «единоличной», семейной формы крестьянского хозяйства в аграрном секторе, развитие на ее базе сельскохозяйственной кооперации.

Правда, по закону 1992 г. в деревне как и в городе могли создаваться так называемые народные предприятия, своего рода закрытые акционерные общества. Но их роль в социальной аграрной структуре Китая незначительна. Сейчас 97% самостоятельных семейных домохозяйств являются основной, близкой по своей сущности к фермерскому хозяйству, основной организационно-правовой формой этой структуры. И хотя домохозяйства имеют в своем пользовании арендованные земельные участки с правом самостоятельного ведения хозяйства на них, многие, особенно более инициативные «культурные» земледельцы предпочитают иметь эти участки в частной собственности, как естественное стремление реализовать это определяющее право в совокупности прав человека. Кстати, аренда земли многими во властных структурах и научном сообществе Китая рассматривается как переходное состояние в процессе трансформации земельных отношений в последовательно рыночную их систему, с частным землевладением.

В ныне сложившейся системе этих отношений важно отметить характерную с точки зрения повышения производственной ответственности и в то же время экономических стимулов семейных домохозяйств в деревне особенность: отмена с 2006 г. всех комиссий и сборов по договорам землепользования, а также земельного налога. По сути непосредственно производители, семейные домохозяйства, эти по существу китайские фермеры пользуются землей бесплатно, неся ответственность за целевое, «культурное» использование предоставленных им земельных участков. Как самостоятельные, экономически обособленные первичные хозяйственные звенья они сами определяют методы и технологию производства, направления его развития и отраслевую структуру, свободно распоряжаются полученной продукцией и доходами и, что особенно важно для устойчивого роста, имеют гарантированный сбыт товарной части продукции по договорным залоговым ценам, устанавливаемым в рамках госрегулирования по схеме «договор-заказ». Все это в корне изменило отношение крестьян к земле, резко активизировало стимулы всей хозяйственной деятельности.

За первое десятилетие аграрных, а на их базе общих экономических реформ рыночной направленности (1978-1988 гг.), когда была широко задействована система производственной ответственности в экономике, осуществлена значительная децентрализация государственной фискальной системы, постепенно ослаблялся контроль над ценами, поощрялось развитие частного сектора – среднегодовой показатель роста ВВП страны составил 10%, в том числе его аграрной доли 12%. Среднедушевые доходы городского и сельского населения в сопоставимых ценах выросли за этот период, соответственно, в 1,8 и 2,8 раза. Доля бедняков на селе в стране уменьшилась на 60%, стремительно менялся весь социально-экономический климат сельской местности. С переходом к регулированию на основе договорных отношений, обеспечившему широкую хозяйственную самостоятельность товаропроизводителей стали создаваться специализированные домохозяйства с высоким уровнем товарности, формироваться целые специализированные деревни, ставшие плацдармом для дальнейшего развития рыночных отношений (Линь Цфу, Цай Фан, Ли Чжоу, 2001).

В процессе этого развития и на этой основе повышения доходности домохозяйств усиливалась государственная поддержка сельского хозяйства. В эти годы ее размеры в расчете на 1 га посевной площади увеличились в 6-8 раз. Все это обеспечило огромный вклад отрасли в общее социально экономическое развитие страны, существенно изменило роль и место страны в глобальной мировой экономике, в том числе ее агропродовольственном сегменте. Уже к концу 80-х годов XX в. по общему объему сельскохозяйственной продукции Китай вышел на 8-е место в мире, а по производству

зерна и хлопка – на 1-ое место, по производству мяса – на 2-е место. Сбор зерна увеличился в 1,4 раза, хлопка-волокна в 1,6, мяса почти в 2 раза, а общий объем сельскохозяйственной продукции почти в 1,6 раза. (Для сравнения: за первые годы аграрных реформ в России этот объем упал на 40%). Причем приведенные показатели были достигнуты на той же посевной площади (немногим более 150 млн га), т.е. на основе интенсификации производства. При поддержке государства произошла существенная модернизация материально-технической базы сельского хозяйства, возросли поставки минеральных удобрений, по производству которых страна вышла на 3-е место в мире.

В последующий период на основе новой системы экономических отношений, использования механизма рынка и при активной государственной бюджетной поддержке аграрный сектор Китая развивался по траектории дальнейшего устойчивого роста и социально-экономического прогресса. По данным за 2004 г. валовой сбор зерна составил 530 млн тонн против примерно 320 млн тонн в 1980 г., что достигнуто за счет повышения урожайности, приблизившейся к 60 ц/га, хлопка 6,4 млн т (против, соответственно, 2,7 млн тонн), производство мяса достигло 45,6 млн т (против 11,8 млн т) и т.д. В настоящее время Китай, обеспечив по сравнению с 1978 г. рост потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения в 2-3 и более раз (по растительному маслу в 4,3 раза, ягодам и фруктам – в 12 раз и т.д.) экспортирует продукцию сельского хозяйства на сумму свыше 70 млрд долларов в год (Самедзаде, 2010).

Правда и Россия в последнее время начала экспортировать часть сельскохозяйственной продукции, в основном зерно на сумму до 15 млрд долларов. Но, во-первых, продовольственный импорт в страну по сравнению с началом реформ возрос в 4,5 раза и в 3 раза превышает этот показатель, достигнув в 2013 г. 43,1 млрд долларов. Во-вторых, зерновой экспорт в России осуществляется в условиях по сути экстенсивного ведения хозяйства и в ущерб развитию животноводства. Поэтому продукция последней за годы реформ упала на 1/3, а в Китае увеличилась в 4 раза.

Если за годы китайских рыночных реформ урожайность зерновых, хлопка, других основных культур возросла в 1,5-2,5 раза, в России этот рост не превышал 15-20%. За 1990-2012 г. урожайность зерновых в России с 19,5 ц/га снизилась до 18,3 ц/га, а в Китае прирост урожайности этой основной культуры превысил 20 ц/га. Соответственно, за те же годы валовой сбор зерна в Китае увеличился почти в 1,7 раза, а в России он упал с 116,7 млн т до 70,9 млн т, т.е. на 40%. В целом валовая продукция сельского хозяйства в России в сопоставимых ценах в 2012 г. составила 84,5% к уровню 1990 г., т.е. упала на 15,5%, тогда как в Китае она увеличилась в 2,1 раза.

Беспрецедентные результаты сельского развития Китая обусловлены сочетанием рыночной системы экономических отношений с целенаправленным государственным регулированием и массированной бюджетной поддержкой, стимулирующей рост производства кредитно-финансовой и налоговой системой. Решением Постоянной комиссии Всекитайского собрания народных представителей 29.12.2005 г. в дополнение к действующей практике бесплатного пользования землей осуществлена полная отмена в стране сельскохозяйственного налога. Одновременно усиливается поддержка аграрных цен и увеличивается размер прямых бюджетных ассигнований на развитие сельского хозяйства несмотря на ориентацию ВТО, членом которой является Китай, к сокращению таких ассигнований.

В этой связи важно отметить позицию китайского руководства по вопросу о приоритете национальных интересов в процессе переговоров о вступлении страны в ВТО в отличие от по сути прямо противоположной позиции России, «согласившейся» на дискриминационные условия присоединения к этой организации в части бюджетной поддержки сельского хозяйства. Переговоры о вступлении в ВТО китайское руководство вело почти 20 лет, добившись приемлемых условий и значительных льгот, которые позволили защитить внутренний (в первую очередь агропродовольственный) рынок и национальных производителей от негативных последствий. В период подготовки к этому вступлению Китай активно и открыто отстаивал приоритет национальных интересов (вплоть до приостановки переговоров), исходил из политики аграрного протекционизма, кстати, успешно применявшейся странами Запада для защиты и развития национальной экономики и ее отраслей и всегда добивавшихся своих целей. В итоге Китаю была «разрешена» господдержка в расчете на 1 га пахотных земель на уровне ЕС, США, многих других стран, т.е. на порядок выше того уровня, на который «согласилась» Россия, взяв «повышенные» обязательство к 2018 году *сократить* этот уровень вдвое, тем самым обрекая свое сельское хозяйство на банкротство.

По соглашению Китая с ВТО совокупная поддержка сельского хозяйства с площадью посевных земель 155 млн га составляет около 140 млрд долларов, тогда как для России возможности такой поддержки определены на уровне 9 млрд долларов (посевная площадь 78 млн га), т.е. разница на 1 га в 7 раз, а по фактическим размерам прямой господдержки в 15 раз. К этому надо добавить другие, в частности, налоговые меры поддержки китайских сельхозпроизводителей. В связи с отменой сельскохозяйственного налога доходы крестьян в 2006 г. по сравнению с 1999 г. возросли на 126 млрд юаней (около 20 млрд долларов). Главное же, вступив в ВТО Китай не сокращает бюджетные ассигнования на сельское развитие, а увеличивает их. Так, за 2007-2008 гг. эти

ассигнования только по центральному бюджету, не считая налоговых и прочих льгот и дотаций увеличены на 46%, а в 2009 г. на 21,5%, достигнув 725,3 млрд юаней (свыше 140 млрд долларов) и продолжали рости вопреки построенным на умозрительных постулатах физиократов «установкам» ВТО.

Внутренние меры аграрного протекционизма дополняются внешнеэкономическими мерами, в частности, таможенными тарифами. Если по соглашению с ВТО последние в среднем установлены на уровне 10% (для промышленных отраслей на уровне 8,7%), то для защиты отечественных производителей продукции сельского хозяйства они составляют 15,2%. При этом в системе общих мер этой защиты данным соглашением Китаю «разрешено» широкое безадресное субсидирование отрасли с распределением средств по различным корзинам по собственному усмотрению в интересах отечественных производителей.

В сферу агропродовольственной политики китайского руководства входят меры по производству рыбной продукции, также имеющие активную протекционистскую направленность. В итоге за последние 10 лет среднегодовое увеличение этой продукции составило почти 20% и ее общий годовой объем превысил 4 триллиона юаней (около 700 млрд долларов). Рыба и изделия из нее в рационе питания китайцев занимают все более высокий удельный вес. С начала реформ на душу населения приходилось 4,9 кг рыбной продукции, а сейчас этот показатель приближается к 50 кг, против 20 кг в России (1990 г.) и 17,1 кг в 2012 г.

В рамках проводимой «прокрестьянской» протекционистской аграрной политики наряду с становлением новой системы экономических отношений, преобразованием материально-технической базы сельскохозяйственного производства и в тесном сочетанием с этими процессами в Китае осуществляются крупные государственные меры по модернизации сельской социальной и инженерной инфраструктуры, что привело к серьезным сдвигам в преодолении различий между городом и деревней. Важную роль в этом процессе имеет агропромышленная кооперация и интеграция. Число предприятий, объединяющих на основе рыночных связей, «договоров-заказов» с семейными домохозяйствами, производство, переработку, сбыт продукции, снабжение средствами производства за годы реформ неуклонно растет и ныне превышает 20 миллионов. На этих предприятиях, в том числе производящих машины и оборудование для первичных хозяйственных звеньев аграрного сектора, трудится более 130 миллионов человек, производящих продукцию на сумму свыше 500 млрд долларов (Самедзаде, 2010).

Прогресс в социально-экономическом развитии сельского хозяйства закономерно ведет к снижению доли отраслей в занятых, соответственно, в ВВП. Эта закономерность

прослеживается и в Китае. Но структурные изменения в экономике страны происходили при опережающем росте среднедушевых доходов сельского населения, абсолютном увеличении вклада отрасли в национальное богатство страны, следовательно, обеспечение общего социально-экономического прогресса. Стремительно возрастающий ресурсный потенциал как вещественное подтверждение китайского экономического чуда в свою очередь позволяет мобилизовать значительные финансовые средства для активной бюджетной поддержки курса на возрождение аграрного сектора, дальнейшее укрепление его потенциала, как мощного локомотива развития экономики.

В китайской деревне сохраняются и благоустраиваются традиционные поселения, на карте страны нет заброшенных или «умирающих» как в России сел и деревень, выпавших из оборота пахотных земель. У крестьян есть желание и стимулы трудиться в сельском хозяйстве. Все это наглядное подтверждение научной обоснованности целенаправленной аграрной и общей экономической политики государства, последовательности поэтапного проведения рыночных реформ, отстаивания национальных интересов во внешнеэкономических связях, обеспечения реального, а не декларативного приоритета сельского развития.

На «особом» российском пути реформирования: хотели как лучше…

Самым серьезным «проколом» российских реформаторов конца 80-х – начала 90-х годов XX в. среди которых, к сожалению, не оказалось своего Дэн Сяопина, осуществить преобразования ускоренным, шоковым методом, начиная с главного в аграрных реформах – земельного вопроса. На пагубность спешки в этом вопросе предупреждал и выдающийся российский государственный деятель и реформатор С.Ю.Витте, проделавший огромную подготовительную работу по проведению Столыпинской аграрной реформы в качестве председателя «Особого совещания о нуждах сельской промышленности». Указывая на последствия непродуманных, спонтанных мер по наделению крестьян землей в ходе Крестьянской реформы 1861 г. он отмечал, что осуществить эти меры на принципах социальной справедливости и экономической целесообразности – задача «бесконечной сложности» и здесь нельзя поддаваться соблазну в этой «сложной материи делать работу огульно, нежели детально, тогда как на деле «все было сделано спешно, наскоро». Отсюда и «явилась масса недомолвок и вопросов, висевших и ныне висящих в воздухе». Не меньше, а пожалуй, больше таких вопросов к тем, кто начинал и кто продолжает реформировать и «регулировать» земельные отношения в современной России.

Правовой старт началу, и главному направлению земельных преобразований, следовательно, аграрной реформы в целом был положен Указом Президента Б.Н.Ельцина «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы от 27.12.1991 г. с конкретизацией этих мер в Постановлении правительства страны «О реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря того же года, в котором были и заложены злополучная огульность и спешка. Если в Китае земля (в натуре) передавалась крестьянам в аренду в начале сроком на 5 лет, чтобы экспериментально убедиться в правильности этого решения с последующим удлинением на 15 и более лет, то указанным постановлением практически через 2 месяца (к весеннему севу 1992 г.) предоставить землю бывшим колхозникам, рабочим совхозам, работникам социальной сферы села в собственность, но не в натуре, а в форме условных долей.

И хотя монополия государства на землю в стране отменялась, а в Конституции закреплен приоритет частной собственности на нее, на деле землевладения физических лиц, крестьянских семей оказалось формальным, призрачным. Если китайский крестьянин получив землю в долгосрочную аренду с правом ее продления по сути на «вечное» пользование почувствовал себя подлинным хозяином реального земельного участка, то российские крестьяне в своем большинстве хотя и объявленные земельными собственниками остались без земли, замененной бумажными свидетельствами, этими по-существу «журавлями в небе». Земельные участки в натуре получили лишь владельцы крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальные предприниматели. В структуре посевных площадей их доля составляла около 5%. Примерно 3,5% посевных площадей приходилось на приусадебные семейные хозяйства, владельцы которых по сути являются земельными собственниками с адекватными стимулами лучшего использования земли и вообще более эффективного хозяйствования на ней.

Сейчас, располагая 4,3% посевных площадей владельцы ПСХ (по недоразумению называемые «личными подсобными») производят по данным за 2013 г. 41,1% валовой продукции сельского хозяйства, т.е. на 22% больше, чем в 1990 г., поставляя на рынок все большую ее долю (17% против 6% до начала реформ). Сельскохозяйственные организации (СХО), возникшие на базе реорганизованных колхозов и совхозов, АО, производственные кооперативы с их во многом прежними колхозными порядками, государственные предприятия и прочие организации, имея в своем пользовании (в том числе арендуемых земельных долей, превращаемых в реальные земли сельскохозяйственного назначения) на 71,9% посевных площадей произвели 48,7% валовой продукции или на 29,2% меньше уровня 1990 г. Выход валовой продукции в расчете на 1 га посевных площадей в семейных хозяйствах (ПСХ, К(Ф)Х) в 3 раза выше,

чем в СХО (члены которых остаются наемными работниками, формальными земельными собственниками или вообще лишившихся даже бумажных долей).

При всех ограничениях и трудностях в сбыте продукции, материально-технического оснащения, получения кредитов, тяжести налогообложения крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х) владельцы последних, особенно за период с 2000 г., демонстрируя присущую им устойчивость, также показывают свои преимущества в уровне и эффективности производства, его интенсификации. За 2000-2013 гг. посевные площади владельцев К(Ф)Х возросли в 3 раза, а валовая продукция в сопоставимых ценах в 5,4 раза. Боле высокие результаты производства и его эффективности в индивидуальном хозяйстве, если оно как в Китае пока ведется на долгосрочной аренде земли, но де-факто с правом (или ощущением права) частного землевладельца, обусловлены статусом его как самостоятельного предпринимателя, подлинного хозяина на обрабатываемом участке земли, тем более, что и де-юре частная собственность в современном мире имеет необходимые и существенные ограничения. Они касаются таких важных сторон землевладения как использование земли по назначению, соблюдение установленных государством правил почвозащиты, экологических требований ставок земельного налога и т.д. вплоть до изъятия земельного участка на определенной, регулируемой тем же государством возмездной основе.

Такие ограничения объективно обусловлены тем, что земля с ее недрами – общенациональное достояние и любое физическое или юридическое лицо будучи «абсолютным» собственником конкретного земельного участка не может поступать с ним по принципу: «что хочу – то ворочу». Но в самом факте ощущения человеком полновластного хозяина на «своей» земле и в этом смысле ее собственника (а это ощущение проявляется при долгосрочной, охватывающей целые поколения, аренде или неограниченном по времени, «вечном» пользовании) заложены мощные движущие силы творческого, высоко производительного труда. Отсюда важнейшая функция государства – соблюдение и укрепление фундаментального права человека – права частной собственности, содействуя единству, унификации фактической и юридической сторон этого права, тем самым самостоятельной, свободной предпринимательской деятельности первичных хозяйственных звеньях материального производства вообще.

«В своей обычной жизни, - писал И.Ильин, - люди ни в чем не воспринимают так болезненно отсутствие свободы и свободы равенства, как именно в сфере имущества. Свободу творчества человек должен иметь и в области хозяйства. Человек хозяйствует из чувства самосохранения. А этот инстинкт есть начало личное и самодеятельное. Поэтому

жизненны те способы хозяйства, которые побуждают и напрягают этот творческий инстинкт, а не пресекают и не подавляют его.

Именно частная собственность побуждает и напрягает хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество человека; она дает человеку уверенность в том, что продукт труда не будет у него отнят; она дает ему спокойствие и вызывает в нем волю к усердному труду; человек начинает охотно «инвестировать» свой труд в вещи, как бы доверять его им; его чувство «прилепляется» к *своим* вещам (любовь к своей земле, к мастерской и т.д.); его воля оживает и дышит полной грудью; его воображение творит, созидает, предвидит; его мысль ищет знаний и верно разрешает хозяйственные задачи… Но именно тогда-то и обнаруживается, что его личный инстинкт служит не только ему самому, но и семье, и роду, и обществу; и что от его самодеятельности, от его частной инициативы приходят в движение все силы и возможности народной жизни. Отменяя частную собственность, социализм и коммунизм пресекают действие этого инстинкта и делают его бесплодным. Поэтому они не жизненны и обречены на хозяйственный провал».

С начала рыночных земельных преобразований, следовательно, всей системы аграрных отношений в России прошло более 20 лет. Такого срока для того, чтобы непосредственный земледелец на деле стал настоящим хозяином на «своей» земле, судя по аналогичным преобразованиям в мировой практике, в том числе с использованием долгосрочной земельной аренды, вполне достаточно. Однако крестьяне в своей массе на ¾ посевных площадей и более 80% земель сельскохозяйственного назначения не обрели статуса такого хозяина, а поэтому не имеют необходимых стимулов рационального использования земли и эффективного хозяйствования на ней. Нормы действующего земельного законодательства, вся система государственного регулирования земельными отношениями не обеспечивают такого использования.

Значительная часть бумажных земельных долей арендуется, но часто на заведомо невыгодных условиях или за бесценок покупается крупными СХО, агрофирмами, агрохолдингами, АО и т.д. и в качестве реальных участков в натуре используются или по сути на той же коллективной основе (и это относится не только к производственным кооперативам) или наемном труде. А известно, и это особенно подчеркивал А.В.Чаянов, что коллективный труд обладает слабой организующей и предпринимательской волей (Чаянов, 1925). Многие виртуальные земельные участки оказались вообще невостребованными (на 1.01.2012 г. около 23% общего числа земельных долей), а 40% пашни вообще выбыли из оборота, тогда как в Китае каждый клочек земли находится в интенсивном использовании ее фактически настоящими «культурными» хозяевами.

В рамках формальных, бессистемных мер по преобразованию отношений земельной собственности открылся широкий простор для разного рода злоупотреблений и коррупционных сделок с землей. Страсть наживы, быстрого обогащения на таких сделках не затронула непосредственных земледельцев, но зато в огромных масштабах охватила предприимчивых дельцов-спекулянтов и чиновников, не имеющих прямого (или вообще никакого) отношения к земле и сельскому хозяйству. В этих условиях при отсутствии уверенности в успешном ведении крестьянского (фермерского) хозяйства, связанном, во многом из-за сложившихся препятствий и преград на пути возрождения подлинной сельскохозяйственной кооперации в ее обслуживающих (вертикальных) формах, сложившихся деформированных рыночных отношениях, отсутствия необходимой господдержки, подавляющее большинство бывших работников колхозов и совхозов, в том числе склонных к самостоятельному хозяйствованию на своей земле, вынуждены фактически на тех же условиях по найму работать в крупных СХО с тем же безразличием к лучшему использованию земли.

В основной массе лишенные необходимой мотивации к такому использованию эти работники неизбежно столкнулись с ущемлением своих имущественных прав на землю, хотя формально они объявлены ее собственниками. Приняли широкий размах спекулятивные манипуляции с землей в процессе ее деформированного рыночного оборота. Под разными предлогами, вплоть до прямого обмана формальные земельные собственники вообще лишаются каких-либо прав на землю. Вместо внятного закона о земле, закрепляющего действительную принадлежность ее тем, кто трудится на ней, содержащего четкие однозначные нормы рационального землепользования, земельными делами в основном стало заправлять разросшееся бюрократическое, во многом коррумпированное землеустроительное и прочее чиновничество. Выручennые за годы реформ многие миллиарды долларов от продажи земель сельскохозяйственного назначения, особенно в пригородных зонах, идут в карман кому угодно, только не труженикам сельского хозяйства, довольствующимся жалкими остатками федерального и региональных бюджетов и в то же время на порядок больше отдающих через механизм пресловутой «перекачки» значительную часть создаваемого их трудом национального дохода в пользу субъектов монопольного окружения села, включая государство.

Масштабы злоупотреблений, коррупции и взятничества в земельных отношениях нередко просто «захватывают дух». Только в I полугодии 2011 года органы прокуратуры Московской области выявили более 1500 махинаций с землей (а сколько не выявлено?). Но и по этим махинациям возбуждено только 7 уголовных дел, каждое из которых таит в себе «потенциал» незаконного присвоения десятков и сотен тысяч долларов, а В.Третьяк,

советник главы Солнечногорского района был задержан при получении взятки в 1 млн 300 тыс долларов за распродажу ценных земельных угодий, цена которых за гектар в Подмосковье доходит до 250 и более тысяч долларов, Почву для таких «сделок» дает то обстоятельство, что в Московской области 4/5 всех земельных долей под указанными предлогами по сути вместе с их владельцами приобрели 25 физических лиц – владельцев гигантских агрохолдингов. Распоряжаясь эти долями как реальными земельными участками сельскохозяйственного назначения земельные олигархи при «посредничестве» местного чиновничества переводят их в другие категории, предоставляемые в процессе указанных сделок под коттеджи, виллы, охотничьи усадьбы и т.д. состоятельным горожанам, далеким от нужд и интересов сельского хозяйства. Сейчас площади таких земель исчисляются многими десятками тысяч гектаров и нетрудно представить масштабы и цену злоупотреблений с землей. Хотели использовать ее лучше, эффективнее, а получилось как всегда и часто даже хуже.

Если земли сельскохозяйственного назначения в Китае обрели настоящих заинтересованных хозяев каждого конкретного участка и поэтому постоянно облагораживаются, улучшаются, то довольствующиеся бумажными долями занятые в российских СХО лишены необходимых стимулов для такого улучшения. Более 10 млн владельцев земельных долей, так и не увидевших конкретных наделов в натуре из-за отсутствия регистрационных свидетельств, землеустроительной документации, общей запутанности «земельного вопроса» и поэтому не могут реализовать свои права собственников, получить кредиты и вообще прямую целевую поддержку как сельхозпроизводители. Элементы явной анархии в земельных отношениях, произвольный перевод земель сельскохозяйственного назначения в другие категории, а, главное, фактический отрыв непосредственных производителей от земли ведет к деградации пахотных земель.

Обследования показывают, что за последний период ежегодный вынос питательных веществ из почвы почти в 3 раза превышает их возврат в виде удобрения полей, тогда как свыше 80% производимых в стране минеральных удобрений экспортируется и используется для повышения плодородия земель зарубежных фермеров. Применение органических удобрений сократилось в 3,2 раза и десятки миллионов гектаров посевов ими вообще не удобряется. Вследствие такого отношения к земле, запущенности землеустроительных работ, волокиты в постановке земель на кадастровый учет и т.д. нарушена вся система землепользования, происходит массовое нарушение севооборотов, на огромных площадях сельскохозяйственных земель интенсивно развиваются процессы эрозии и другие виды деградации почв (Буздалов, 2013). В итоге

урожайность основной культуры – зерновых на почти неизменном уровне (около 20 ц/га) поддерживается за счет истощения естественного плодородия пахотных земель и сейчас почти в 3 раза ниже показателей китайского сельского хозяйства.

Среди причин значительных и усиливающихся различий продуктивности и эффективности сельскохозяйственного производства в России и Китае особенно выделяются различия в масштабах и механизмах государственной протекционистской поддержки и вообще «качества» проводимой аграрной политики. Между тем именно активная бюджетная поддержка играет особую роль в проведении действительной модернизации и повышения конкурентоспособности отрасли, ее возможностей на мировом агропродовольственном рынке. Закрывая глаза на общее кризисное состояние российского сельского хозяйства представители высшей государственной власти пытаются представить это состояние в розовом свете, выдвигая в качестве аргумента вхождения страны в число экспортеров сельскохозяйственной продукции, уводя тем самым общественное сознание от понимания серьезности аграрного кризиса и его последствий для продовольственной и тем самым общей национальной безопасности страны.

Нехватку танков, автоматов, гранатометов и т.д.большинство людей, кроме причастных к соответствующим ведомствам, не заметит и особенно не обеспокоит. Но даже первые признаки нехватки продовольствия приведет все и особенно городское население в опасное для государства и самих властей недовольство и возбуждение. Однако судя по эйфории в отношении весьма скромных показателей продовольственного, прежде всего, зернового экспорта эти власти не хотят задуматься над тем, к каким последствиям приведет перекрытие по тем или иным причинам, например, в виде очередных санкций на импортные поставки продовольствия в Россию, превышающие 1/3 общего потребления в стране продуктов питания. Тут уже будет не до экспорта того же зерна, поскольку приведенные выше объемы продовольственного импорта сейчас практически почти сопоставимы с объемом всей товарной продукции сельского хозяйства в закупочных ценах и указанное перекрытие может более чем на половину сократить потребление продовольствия в городах страны.

Что на деле представляет из себя страна как действительный импортер сельскохозяйственной продукции, каковы критерии этого статуса? Прежде всего, это полное обеспечение населения страны основными видами продовольствия, а животноводство необходимыми кормами с соответствующим зерновым компонентом. Важным критерием статуса продовольственной державы является экспорт (сверх внутренних потребностей по соответствующим нормам) животноводческой продукции.

Таковой Россия стала в результате осуществления Столыпинской аграрной реформы, за пять лет активного проведения которой (1908-1913 гг.) валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1,3% раза (за те же пять лет нынешних реформ в России ее объем упал на 40% и до сих пор не вышел на дореформенный уровень).

За те же годы в России за счет повышения урожайности зерновых почти на ¼ стало производиться зерна больше, чем в США, Канаде и Аргентине вместе взятых, причем зерновой экспорт возрос в 2 раза при возросшем удовлетворении внутренних потребностей в хлебопродуктах и зернофураже для животноводства. Это в свою очередь повышало экспортные возможности отрасли (а экспорт животноводческой продукции – важнейший критерий статуса продовольственной державы), особенно молочного скотоводства. Только экспорт непревзойденного по качеству сибирского масла давал стране золота в 2 раза больше, чем вся золотопромышленность края.

Сейчас из России экспортируется в среднем до 11-14 млн т зерна в год и в то же время в огромных объемах закупается животноводческая продукция (по данным за 2013 г. в объеме эквивалентном 18 млн т), в т.ч. в основном мороженного мяса 1285 тыс т, мяса птицы – 523 тыс т, рыбы – 775 тыс т, молока и сливок сгущенных – 214 тыс т, масла сливочного и прочих молочных жиров – 135 тыс т. Кроме этого импортируется еще 447 тыс т картофеля, 853 тыс т томатов, 1384 тыс т яблок, 241 тыс т фруктовых и овощных соков и т.д. всего на 43,1 млрд долларов, т.е. в 6 раз больше, чем в 2000 г. Свое животноводство вследствие деформаций в аграрной структуре и обусловленного им дисбаланса между однобоким зерновым экспортом и беспрецедентным засилием общего продовольственного импорта остается без необходимых, основанном на зерне кормовых добавок, комбикормов при общем резком сокращении кормовой базы отрасли, хотя удельный вес зерновых в площади посевов возрос за годы реформ с 54 до 60%. Всего в 2013 г. было заготовлено 14710 тыс т кормов (в условных единицах) против 75508 тыс т в 1990 г. Отсюда общий провал в животноводстве.

Такие, наносящие общий ущерб всему развитию сельского хозяйства внутренние и внешнеэкономические экспортно-импортные диспропорции не дают никаких оснований для эйфории по поводу экспорта зерна, повода считать его как показатель якобы успешного развития отрасли. Страна уже имела горький опыт такого экспорта в начале 30-х годов, когда не только животные, но и сами крестьяне оставались на голодном пайке или просто погибали от голода. Выступая с Отчетным докладом на знаменитом XVI съезде партии «победителей» в разделе «Подъем сельского хозяйства» Сталин иллюстрировал этот подъем за 1929-1933 гг. такими данными: поголовье лошадей сократилось на 51,2%, крупного рогатого скота на 43,3%, поголовье овец на 65,6%.

Нынешние реформаторские «достижения» с 1990 по 2013 г.по масштабам провала не уступают: поголовье крупного рогатого скота сократилось с 57,0 до 19,5 млн, число коров с 20,5 до 8,6 млн, свиней – с 38,3 до 19,2 млн, овец и коз – с 58,2 до 23,8 млн, птицы с 660 до 292,5 млн. При этом абсолютные размеры сокращения и падения доли поголовья скота приходится целиком на крупные СХО. Если в 1990 г. эта доля в последних по крупному рогатому скоту составляла 82,7%, то в 2013 г. она упала до 45,1%, в том числе коров с 74,5 до 40,8% при увеличении ее в индивидуальном секторе, соответственно, с 17,3 до 54,9% и с 25,5 до 59,2%. В результате общее производство продукции животноводства в сопоставимых ценах упало на 33,6%, в том числе молока на 47%, тогда как из приведенных выше данных за годы реформ в Китае ее объемы увеличились в 4,2 раза.

Таким образом, на общем фоне концептуальных различий, разнонаправленности аграрной политики (соответственно, стратегии и тактики аграрных реформ) в Китае и России произошли и происходят адекватные изменения в социально-экономическом развитии сельского хозяйства двух стран. Эти различия обусловлены в основном двумя причинами или группами факторов. Первые из них связаны с неоднозначным или противоположным подходом к преобразованию земельных и на их основе всей системы аграрных отношений, следовательно, использованию стимулов более рационального использования земли и вообще эффективного хозяйствования на ней. Хотя еще не полный собственник, но фактический владелец конкретного земельного участка на основе долгосрочной аренды, китайский крестьянин стал ее подлинным, самостоятельным хозяином, то подавляющая часть российских сельскохозяйственных угодий в виде условных долей, как видно из приведенных данных в этом смысле бесхозна, что непосредственно вытекает из действующего в стране земельного и всего аграрного законодательства.

Сейчас это законодательство, представленное многими десятками противоречивых правовых актов является не просто избыточным, а говоря словами М.Е.Салтыкова-Щедрина, представляет собой «сумрак законов». Ныне действующий с 2001 г. Земельный кодекс РФ, носящий общий декларативный характер, обросший обилием других законодательных и подзаконных актов и правил, ведомственных нормативов и «установок» не способствует становлению цивилизованной рыночной системы аграрных отношений с ее основополагающим принципом: земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Параллельно действуют относящиеся к проблеме землепользования и землевладения нормы Гражданского, Семейного и Лесного кодексов, прямо стоящий на пути настоящего кооперативного движения на селе ущербный по своей сущности Федеральный закон 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации» с его

колхозной начинкой и вообще надуманным понятием «коопхоз», о существовании которого люди на селе вообще не имеют никакого понятия. Все это является правовой «крышей» для землеустроительного и прочего чиновничества, руководителей агрохолдингов, агрофирм и т.д. решать земельное дело по усмотрению и, естественно, для своей выгоды.

Многие считают, что закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002 г.) в какой-то мере устраняет противоречия и явные парадоксы практически уже необъятного земельного и общего аграрного законодательства. Но соответствующие правовые и подзаконные акты, в том числе изобретения законодателей субъектов федерации продолжают действовать и предлагают свои решения «земельного вопроса». На практике каждый земельный чиновник, представители правосудия, земельный магнат и т.д. выбирает более «удобные» нормы из разных, наиболее подходящих для него правовых актов, не задумываясь о последствиях принимаемых решений для села и крестьянства.

Другие причины или факторы различных последствий и социально-экономических результатов осуществленных за указанные периоды аграрных реформ в России связаны с различиями в понимании властями роли и практическом использовании протекционистской составляющей аграрной политики, конкретными мерами, масштабами и механизмами бюджетной поддержки сельского хозяйства государством. Если экономическая политика китайского руководства исходят из отмеченного выше концептуального положения о сельском хозяйстве, как «основе» экономики, то для российских властей оно остается пасынком, по определению бывшего министра финансов РФ А.Кудрина «черной дырой». Между прочим из этой, находящейся в затяжном системном кризисе дыры выжимая последние соки субъекты монопольного окружения, включая государство через механизм пресловутой перекачки ежегодно получают не менее 1,3 трлн рублей созданного в отрасли национального дохода.

Правда, в виде остаточных крох бюджета страны через субсидии и дотации селу возвращается немногим более 1/10 этих средств. Но добрая их половина тут же через необоснованное налогообложение (при фактической, рассчитанной при сопоставимой со средним уровнем оплаты труда сельского хозяйства убыточности отрасли) государство забирает назад, оставляя крестьянство с беспрецедентной (более 2 трлн рублей) кредиторской задолженностью, т.е. в состоянии банкротства. Абсолютные размеры господдержки сельского хозяйства в России на порядок меньше и по соглашению с ВТО, «удобному» для нынешних властей, лишаются перспектив необходимости увеличения, тогда как кривая кредиторской задолженности «устойчиво» возрастает. Прямо

противоположные изменения и соотношения соответствующих показателей мы видим в Китае.

Пропасть в усилиях государства по улучшению социально-экономического положения в деревне двух стран еще масштабнее, если учесть, что при растущих доходах китайские крестьяне по-существу освобождены от налогов, а в России при огромных и растущих долгах они несут еще непосильное налоговое бремя. Правда, Председатель Правительства РФ Д.А.Медведев считает, что колоссальная кредиторская задолженность сельского хозяйства чуть ли не благо для селян, но не поясняет в чем оно выражается и из каких положений экономической науки вытекает. Из доводов последней и мирохозяйственной практики следует обратное. Сейчас долговая яма, в которой оказались российские сельхозпроизводители, из которой вследствие социально-экономической ущербности проводимой аграрной политики им не выбраться, если не списать эту задолженность (что было бы на фоне списания непонятно за какие заслуги более 100 млрд долларов (т.е. около 4 трлн рублей) с зарубежных должников и социально справедливо, и экономически оправдано). Нынешние растущие долги СХО это путь к банкротству и тяжелое бремя для государства.

Залог успехов и причины провалов в сельском развитии – следствие «качества» проводимой аграрной политики

Аграрную политику можно считать научно обоснованной, если заложенные в ней законодательно закрепленные целеустановки государства исходят из объективных закономерностей развития аграрных отношений и направлены на решение задач обеспечения занятым в сельском хозяйстве необходимых для поддержания прочной продовольственной безопасности страны и ее статуса как мировой продовольственной державы экономических и социальных условий и стимулов высокоэффективной трудовой деятельности (Буздалов, 2009). Степень научной обоснованности, следовательно, эффективности этой политики тем выше, чем полнее учитывается в ней базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства, определяющие общественную необходимость его приоритетной государственной поддержки. Такую обоснованность, судя по результатам социально-экономического развития сельского хозяйства демонстрирует Китай, развитые страны современного мира. К использованию опыта этих стран в предвыборной статье (Ведомости, 31.04.2012 г.) призвал Президент РФ В.В.Путин. Но одними призывами урожай не поднять, скот не накормить, стимулы и социальное благоустройство на селе не повысить. Если в Китае приоритет сельского развития является стратегическим направлением аграрной и всей

экономической политики с соответствующими результатами в продовольственном обеспечении и уровне и качестве жизни в деревне, то власти России ограничиваются в основном декларациями по этой узловой проблеме возрождения и модернизации сельского хозяйства. Подтверждением этому служит даже принятый в 2005 г. Национальный приоритетный проект «Развитие АПК», ничего существенно не изменивший в социально-экономическом положении на селе. Зато импорт продовольствия за годы реализации проекта удвоился. Главную причину всего этого объяснил сам Президент – инициатор этого проекта: «недопустимо малое» бюджетное финансирование, т.е. уровень государственной поддержки, объективно выступающей как необходимое и безальтернативное, связанное с известными особыми условиями ведения сельского хозяйства и производством продукции «самой первой» жизненной потребности человека и как определяющий признак реализации самого принципа приоритетности развития сельского хозяйства.

С тех пор прошло уже почти 10 лет, но «недопустимо малое» финансирование, отсутствие действенной господдержки села остается свидетельством социально-экономической ущербности аграрной политики, выражением декларативности этой приоритетности. На совместном заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политики 21.04.2013 г. В.В.Путин отметив некоторые отдельные подвижки, которые в основном можно наблюдать на примере новых маяков, создаваемых для престижа местных властей и показа высокому начальству, особое внимание обратил на то, что «во многих местах» (на самом деле на основной части обширной сельскохозяйственной территории, особенно Центра страны, Северо-Запада, Северо-Востока, Урала, Сибири, других регионов) «жизнь словно остановилась, замерла» (в действительности преимущественно вообще нет признаков жизни), что «значительная часть (а это в основном молодежь – потенциальная опора возрождения села) сельских жителей бежит из деревни из-за мизерной оплаты труда, отсутствия работы, нормального жилья, бездорожья, неустроенного быта и т.д. по сути из-за «общей невостребованности».

Китайский и вообще мировой опыт подъема и социально-экономического преобразования сельского хозяйства показывает, что основой этого преобразования является реальное обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства, осуществляемого под непосредственным контролем и опекой высшего политического руководства страны. Бедственное положение российского села – прямое следствие не только декларативности установок в этой области, но и отсутствия такого контроля и опеки, эпизодичность обращение властей к агарной тематике «для галочки», формальных отчетов по предвыборным обязательствам, проводимых обычно на базе тех же новых

маяков, а не в местах обширного сельского запустения и разорения. Поэтому нужно не корректировка или «совершенствование» проводимой аграрной политики, а ее радикальное обновление (Буздалов, 2009) или с чем трудно не согласиться «разработки новой актуализированной аграрной политики, новой экономической модели функционирования АПК» (Ушачев, 2014). Этих и других аналогичных выводов из анализа реального положения на селе российские власти предпочитают не замечать.

Между тем мудрые и дальновидные политики и первые лица государственной власти исходя из понимания роли сельского хозяйства, как исходной базовой отрасли экономики, сложности и многофункциональности воспроизводственного процесса в отрасли и сознавая, что угроза продовольственной безопасности – это первейшая угроза самой этой власти по определению вынуждены, помимо необходимой активной бюджетной поддержки отрасли, опираться на профессионалов управленцев, авторитетных советников с глубокими специальными знаниями. Более того, в силу этой угрозы с далеко идущими губительными последствиями высшие руководители государства непосредственно становятся главными кураторами «аграрного вопроса», как это наблюдается в Китае, да имело место и в России, например, в период правления Александра II, премьерств С.Витте и особенно П.Столыпина, в свою очередь, выдвигавших таких управленцев и советников среди которых следует упомянуть, прежде всего, министра земледелия А.Кривошеина, впечатляющие результаты его активной министерской деятельности в 1908-1913 гг. показаны выше.

В советский, прежде всего, сталинский период пост министра сельского хозяйства стал номинальным называемым еще «расстрельным» (для Р.Эйхе, В.Чернова, Я.Яковлева – он был таковым в буквальном смысле слова). Но своей политикой до конца подрубать «аграрный» сук, в том числе для самосохранения, новые государи-«генсеки» не могли и поэтому из своих ближайших соратников, членов Политбюро, назначали новых кураторов, среди которых при Сталине был А.Андреев, при Брежневе – М.Горбачев, при Горбачеве – Е.Строев и т.д. (Н.Хрущев, верный известному «учению» Т.Лысенко, сам определял, что, где и сколько сеять, какой выращивать скот и т.д.). В отличие от безропотных исполнителей-министров эти кураторы, пользуясь реальной властью, могли «выбивать» иногда немалые средства для села, секретари обкомов и райкомов, как хотели, распределяли их по заведомо ресурсорасточительному в условиях существовавшей системы принципу: «где густо, а где пусто», создавали для своего престижа и пропаганды «преимуществ» этой системы пресловутые маяки, во главе с Героями социалистического труда, осуществляли сумбурные реорганизации и т.д., углубляя тем самым аграрный кризис, приближая крах самой системы.

К сожалению, многое из арсеналов советской системы государственного управления сельским хозяйством мы видим в нынешней «вертикали власти», в стратегии и механизме осуществления аграрной и всей экономической политики. Над непосредственными производителями, находящимися под «обновленными» прессом монопольного окружения и ценового диспаритета, вместо прежних партийных секретарей стоят новые властные распорядители и «распределители» - главы регионов и районов во многом с тем же стилем и методами управления и еще большим разросшимся коррумпированным чиновничеством. Министерские посты (а их за годы реформ сменилось 10) остались по сути теми же номинальными, к тому же потерявшими кураторов с необходимыми знаниями «аграрного вопроса». Последний из этих кураторов, аграрник советской колхозно-совхозной школы В.Зубков совершенно безучастно относился к этому вопросу, курирование которого, как дополнительную нагрузку, теперь поручено А.Дворковичу и вряд ли у него есть время и желание вникать в глубину проблемы. Высшему руководству вертикалью власти, озабоченному «амбициозными» замыслами и «престижными» проектами, включая сомнительные или опрометчивые по цене и последствиям акции на международной арене, прокладыванием, обкрадывая будущие поколения, мощных нефтяных и газовых потоков во все концы света для финансового обеспечения этих замыслов и проектов вообще не до такого курирования. Ему, как видно, даже нет особой надобности и в настоящих профессионалах-советниках по этому вопросу, как излишней «помехи» проводить аграрную политику по новой «генеральной линии» с выделением для села остаточных крох бюджета страны и перекачивая из него в необоснованных размерах создаваемый крестьянством национальный доход в пользу субъектов монопольного окружения отрасли, включая фискальные органы государства.

Новый министр сельского хозяйства Н.Федоров, ранее проявлявший несогласие с Кремлем по ряду вопросов, исходя из принципиальных соображений мог бы и здесь указать верховной власти на социальную несправедливость, декларативность приоритета сельского развития. Однако он заведомо получит «оправдательную» ссылку на ограниченность ресурсов, на «утвержденные» параметры государственного бюджета, в том числе его аграрного сегмента. Но ограниченность ресурсов, в т.ч. финансовых возможностей государства, характерна для всех стран и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском развитии и в периоды кризиса, стагнации, и в годы подъема экономики неизменно формируют структуру бюджета в соответствии с принципом приоритетной поддержки села и задачами общего сбалансированного социально-экономического развития, на деле создающими возможность системной

модернизации сельского и всего народного хозяйства. Даже в «союзной» с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета превышает 10%, а в странах ЕС около 40%, против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР даже в условиях масштабных затрат на вооружение, «братскую» помощь, космос и т.д. эта доля достигала 15%, в годы НЭПа и в современном Китае около 7,5%).

Нынешняя российская экономическая политика с устремлениями властей любой ценой «быть первыми», поражать воображение безмерными спортивными, военными, космическими, юбилейными и прочими щедротами, обременительными расходами на ту же «братскую» помощь, волевым списанием десятков миллиардов долларов внешних долгов, вкладыванием имеющихся финансовых резервов под мизерные проценты в зарубежные финансовые бумаги и т.д. и такой же безмерной «экономией» на сельском хозяйстве подрывает ресурсную базу его последовательной интенсификации, следовательно, инновационного преобразования всего процесса отечественного сельского развития. Вместе с тем, эта политика «стимулирует» инфляцию, обесценение рубля, инициирует повышение бремени налогообложения, порождает запредельный дисбаланс в бюджетных расходах и общей народнохозяйственной структуре экономики со всеми его негативными социально-экономическими последствиями и для сельского хозяйства и для всей страны, заведомо лишающими ее конкурентных преимуществ. Отрасль, да и вся российская экономика, страдающая приступами голландской болезни, балансирующая на подпорках импортных цен на энергоносители, при такой политике остается мало привлекательной для зарубежных инвесторов, а отечественный капитал десятками миллиардов долларов в годовом исчислении стремительно бежит из страны.

Призывать к опыту развитых стран, но ничего не менять и далее, оставляя отечественное сельское хозяйство в состоянии глубокого системного кризиса или ограничиваться полумерами, общими призывами и декларациями типа Доктрины продовольственной безопасности – значит, не задумываясь о последствиях, продолжать идти по зигзагам пресловутого, толком никем не объясненного «особого российского» пути, с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в нынешнюю государственную управленческую систему с ее тем же «административным ресурсом» и волевыми, опрометчивыми решениями, которые, как показано выше, с особым «размахом» реализуются в проведении аграрной политики.

В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины затянувшегося глубокого системного кризиса – значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис возможно, судя по китайской экономической стратегии, опыту развитых стран, лишь в рамках

теоретически выверенной и подтвержденной практическими достижениями последовательно протекционистской модели аграрной политики. Оглядываться на антипротекционистские рекомендации позиции ВТО здесь не следует и этого многие страны, включая Китай, не делают, осуществляя бюджетную поддержку села в расчете на гектар земли на порядок выше, чем в России. Изобретать здесь какую-то призрачную конструкцию «особого российского пути», которую согласно поэтической притче «умом не понять» (и в которую надо бездумно «только верить») и втискивать в эту конструкцию реальную экономическую, в том числе аграрную политику – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и страны в целом. По некоторым авторитетным оценкам это прямой путь к катастрофе (Кончаловский, 2013), постигшей, как известно, и «неделимую» царскую Россию и, как казалось, «нерушимый» Советский Союз.

Абстрактная версия «особого российского пути» была и остается удобной властям ширмой для навязывания стране в ее внутренней, да и внешней политике (и оправдания) разного рода надуманных «исторических» решений, «крутых» поворотов и переворотов, «великих переломов», амбициозных «прорывных» проектов и прочих «приоритетных» увлечений и прихотей распорядителей движения по ухабам и трясинам этого пути. Когда же обнаруживается их абсурдность, разрушительность все легко свалить на «загадочность» русской души, на «перегибы», «культ личности» и т.д., включая «происки» Запада, а в «прикладном» плане - на стрелочников-исполнителей.

Из истории известна разорительность для села и крестьянства насильственной коллективизации, «ножниц цен», чрезвычайщины, и той же «перекачки», причем для оправдания последней под нее подводилась теоретическая база так называемого «закона первоначального социалистического накопления». Последствия такой политики для сельского хозяйства и страны в целом списали в теории на Е.Преображенского, подведя его под расстрел, на, якобы, неизбежную «историческую» необходимость, а в реальной политике ограбления деревни и грубого насилия над крестьянством - на сталинский произвол (между прочим, в полном соответствии с той же теорией и позаимствованной у Л.Троцкого установкой на «завинчивание гаек»).

Сейчас бремя перекачки, масштабы ценового диспаритета снижены, но негативные последствия фискальных акций, всей совокупности непродуманных преобразований в сельском хозяйстве сохраняются, порождая и усиливая проявления системного аграрного кризиса. Отсюда альтернатива: или извлечь из всего этого уроки и опираясь на проверенные в мире базовые положения аграрной теории изменить политику, придать при необходимом властном кураторстве ей необходимую протекционистскую направленность, или продолжать безоглядно невпопад экспериментировать и надеяться,

что все последствия и провалы можно будет опять списать на «погрешности» особого российского пути. Пока предпочтение отдается последнему. Упорное стремление ответственных представителей нынешней высшей российской власти к реанимации этой умозрительной абстракции, под прикрытием которой культивируются волевые решения, в данном случае в аграрной политике, - наглядное подтверждение их заведомого нежелания или неспособности осуществлять эту политику на прочной, проверенной созидательным мировым опытом, научной основе.

Литература

Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.:ВСТИСП, 2013, 311 с.

Буздалов И.Н. Российское сельское хозяйство на фоне глобальных мирохозяйственных процессов. Вестник Института экономики РАН, 2011, № 3, с. 140-158.

Буздалов И.Н. «Перекачка» как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики. Вопросы экономики, № 9, 2009, с.121-130.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991, с. 504.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Политиздат, 1989, с. 435.

Дэн Сяопин. Статьи и выступления. Перевод с кит. М.: Палея, 1997, 263 с.

Ильин И.А. За национальную Россию. Слово, № 8, 1991, с. 81.

Кончаловский А.С. У России нет своего пути – свой путь ведет к катастрофе. АиФ, 15-16 апр. 2013.

Линь Цфу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономические реформы. Перевод с кит. М.: ИДВ РАН, 2001, 367 с.

Путин В.В. Выступление на совместном Заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политике, 24 апр. 2014 г. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, № 5, 2014, с. 7.

Самедзаде З. Китай в глобальной экономике. Стокгольм CACC Press (R), 2010, 631 с.

Ушачев И.Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе экономики России: основные направления. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, № 4, 2014, с. 5-9.

Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. Изд. 4-е. М.: Кооперативное издательство, 1925, с. 10.